

Dobayev Igor Prokopyevich, Doctor of Philosophy, professor of the Department of Regionalistic and Eurasia researches, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: kavkazdon@mail.ru

ISLAM AND MIGRATIONS IN EUROPE

Abstract

The article is devoted to a problem of migration of Muslims to Europe, their adaptation to the European realities, issues acceptance of the European values by them. The reasons of a failure of the European policy of assimilation of the arriving Muslims, and also multiculturalism reveal. It is revealed the negative potential of the younger generation of Muslims in the context of the growth of these radical Islamist views.

Keywords: *islamism, migration, multiculturalism, terrorism, extremism.*

References

1. Caldwell Christopher. The Crescent and the Tricolor // Atlantic Monthly. November, 2000; Islamization of Europe Far Advanced, Battle Cry. January/February, 2005.
2. Savage, Timothy M. Europe and Islam: Crescent Waxing. Cultures Clashing. The Washington Quarterly, Vol. 27, № 3. Summer, 2004.
3. House Jim. Muslim Communities in France, in Muslim Communities in the New Europe, Eds. Gerd Nonneman, Tim Niblock and Bogdan Scajkowski, Reading, UK: Garnet Publishing, 1996.
4. The Radicalisation of Muslim youth in Europe: The reality and the threat. Testimony of Claude Moniquet, Director General European Strategic Intelligence and Security Center. 2005. April 27.
5. Iz doklada ispanskoj gruppy, primimavshej uchashtie v konferencii Soveta Rossija-NATO «Uroki, izvlechennye iz nedavnih terroristicheskikh akcij: ukreplenie nacional'nyh potencialov i orgstruktur» (Ljubljana, Slovenija, 27 ijunja – 1 ijulja 2005 g.).
6. Roy Oliver. Globalised Islam: The Search for a New Ummah. London: C. Hurst and Co, 2004.
7. Winnet Robert and David Leffard. Leaked No 10 dossier reveals Al-Qaeda's British recruits // The Sunday Times. 2005. July 10.
8. Drozhzhin S. Islamizm v Germanii // Analiticheskie zapiski. 2004. № 1.

УДК 323

**«КУЛЬТУРНОЕ» ИЗМЕРЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
К ВОПРОСУ О ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ИННОВАТИКЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

Голобородько Андрей Юрьевич кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора по учебной и воспитательной работе
Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)
(347936, Россия, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48).
E-mail: goloborodko2009@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается целесообразность использования инструментария государственной культурной политики в рамках реализации стратегии формирования и развития политической элиты современной России; политическая элита рассматривается как субъект и объект государственной культурной политики и фактор инновационного развития. С учетом того, что в современной политической практике значительное внимание уделяется разработке контента политической инноватики, в рамках настоящей работы констатируется, что государственная культурная политика как когнитивный конструкт, ориентированный в том числе на формирование ценностно-мотивационной сферы политической элиты в парадигме развития культуроцентричного смыслового ядра деятельности её акторов, может выступить продуктивным звеном политической и политологической инноватики нового поколения.

Ключевые слова: *инновационное развитие, культурная политика, политическая элита, культурная травма, духовная матрица, ценностное измерение управленческих решений.*

В последние годы значительно усилилось внимание со стороны отечественной политической элиты к проблемам национального инновационного развития и модернизации основных сфер жизни российского общества, что нашло, в частности, отражение и в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, и в ряде статей, докладов, выступлений главы государства и ряда других влиятельных политиков.

Обеспокоенность состоянием дел в этой области зафиксирована в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», где, например, отмечено, что «прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования оказывают отставание в переходе в последующий технологический уклад, зависимость от импортных поставок научного оборудования, приборов и электронной компонентной базы, стратегических материалов, несанкционированная передача за рубеж конкурентных отечественных технологий, необоснованные односторонние санкции в отношении научных и образовательных организаций России, недостаточное развитие нормативной правовой базы и слабая мотивация в сфере инновационной и промышленной политики, низкий уровень социальной защищенности: инженерно-технического, профессорско-преподавательского и педагогического состава и качество общего среднего образования, профессионального начального, среднего и высшего образования...» [1].

Несмотря на то, что применительно к инновационному развитию страны принят ряд важных решений, постепенно формируется нормативно-правовая база, выделяется достаточно солидное финансирование, остается комплекс нерешенных концептуальных и прикладных проблем, обуславливающих наличие «эффектов торможения», низкую эффективность в управлении и реализации инновационной политики.

На эти и другие проблемные вопросы инновационной политики в современной России обращают внимание представители экспертного сообщества: приведем, в частности, примеры целевых выпусков общенационального делового журнала «Эксперт» [2-3]; выхода ряда фундаментальных монографических изданий, посвященных проблемам модернизации и инновационного развития [4-5]; проведения научных семинаров с привлечением широкого круга авторитетных представителей экспертного сообщества.

В ходе одного из подобных научных семинаров, проводившегося под эгидой Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, академик РАН С.Ю. Глазьев подчеркивал, что этап паразитического присвоения социалистического наследия завершен (на протяжении многих лет государственная политика вместо формирования созидательных мотивов общественно-полезной хозяйственной деятельности нацеливала предприимчивых людей на присвоение чужого, не на производство нового, а на перераспределение ранее созданного богатства, что исключало возможность формирования интеллектуального стиля управления и, соответственно, перехода на инновационный путь развития), и возникает критически важный для разработки антикризисной политики вопрос: какой духовный стержень будет направлять экономическое поведение людей? [6, с. 6]. При этом один из авторитетнейших российских экспертов отмечает, что «политика развития невозможна без научно обоснованных решений, квалифицированного менеджмента, ответственной и творчески активной бюрократии» [6, с. 7], акцентируя внимание на том, что одной из причин пребывания страны в состоянии экономического, социального и духовного распада является «изъятие» из системы государственной власти стержневого механизма ответственности перед обществом» [6, с. 12-13].

Ряд отечественных экспертов, изучая вопросы институциональных проблем инновационного развития, указывают на то, что, «к сожалению, в России наблюдается так называемый реформаторский зуд: мы не раз перетряхивали министерства, ликвидировали и сливали их, создавали вместо них агентства и другие структуры, но заметного улучшения дела не достигли» [7, с. 68]; при этом многие исследователи и эксперты, анализируя сдерживающие факторы политики модернизации и инновационного развития в России, сходятся в

том, что до настоящего времени не учитывается должным образом «гуманитарный характер» нового технологического уклада [8], подразумевающий необходимость предъявления высоких требований к системе воспроизводства интеллектуального потенциала – науке, образованию, подготовке кадров, благоприятствующей переходу к экономике знаний и на инновационный путь развития; предоставление этих сфер свободной игре рыночных начал часто ведет к их деградации, подрыву расширенного воспроизводства главного фактора роста – человеческого капитала; при этом немаловажным является необходимость поиска ресурсов восстановления «духовной матрицы» российской цивилизации.

В декабре 2014 года Указом Президента РФ утверждены Основы государственной культурной политики; в Документе, в рамках описания оснований для выработки государственной культурной политики, отмечается, что «перед Российской Федерацией стоит задача в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира. Это возможно только при условии планомерных и последовательных инвестиций в человека, в качественное обновление личности. В недавнем прошлом такие вложения были явно недостаточными, что создало угрозу гуманитарного кризиса» [9].

Не секрет, что в новейшей истории России задача разработки и реализации государственной культурной политики, направленной на формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, ставится впервые, и это, на наш взгляд, признак «семиотического переустройства», знак ценностного (ценностно-мотивационного) содержательного поворота в определении стратегически важных направлений развития общества и государства.

Произошедший два десятилетия тому назад в России "выход на авансцену" личностных установок человека сугубо материальных устремлений, стремительно набравшее силу доминирование в его смысловом пространстве цели финансового благополучия, "сместившей на задворки" ценностных ориентиров духовные и нравственные мотивы, в одной из наших предыдущих работ эксплицируется с позиций «субъектной отраженности»: жестким, агрессивным, активным продвижением Другого (=активным насаждением привнесенных извне материальных ценностей) в смысловом континууме социальных\межличностных коммуникаций конкретного человека и в целом в социальном пространстве "переходной" России 90-х.

Каковы были инструменты "насаждения"? Обсуждению этого вопроса посвящено большее число известных исследований (полагаем избыточным прибегать к их анализу в рамках настоящей работы) как отечественных, так и зарубежных авторов; арсенал использованных технологий и ресурсов очень богат, и результат не заставил себя долго ждать: мировоззренческий кризис, беспрецедентный расцвет преступности, деградация культуры и производственной сферы – вот лишь небольшой перечень угроз и опасностей, с которыми Россия вступила в новый век, и которые стали следствием указанной политики жесткого бесцеремонного насаждения на российской почве инокультурных образов поведения и смысловых ориентиров жизнедеятельности человека.

Очевидным проявлением переустройства смыслового поля человека в результате осуществленной политики инкорпорирования «чужих» ценностей в социальном пространстве России 90-х, входящем сегодня в число очевидных угроз и опасностей функционирования государства и общества, является феномен аномии, которую мы рассматриваем в парадигме концепции субъектной отраженности [10, с. 21].

Аномия (*букв. беззаконие, безнормность*) – это социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное поведение, это состояние, при котором значительная часть общества сознательно

нарушает известные нормы этики и права [11, с. 272]. Американский социолог Макайвер называет аномией разрушение чувства принадлежности к обществу, отмечая, что «человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого» [12].

От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения – вот условия возникновения аномии...; неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушающегося поведения.

Пусковым механизмом процессов, обуславливающих развитие феномена аномии, считается «культурная травма». Как известно, это понятие в обиход было введено польским исследователем П. Штомпой, который писал: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы... если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых; ценности теряют ценность...» [13]. Культурная травма – явление инерционное, оно может сохраняться и в следующем поколении и дает о себе знать, даже если положение стабилизируется.

При этом в отношении России факторами углубления аномии стали уход государства от выполнения сплачивающей функции и ценностный конфликт политической элиты с большинством населения [11, с. 280]; культурная травма – очевидная социальная болезнь, и избавиться от этой патологии можно только через серьезную государственную программу лечения и реабилитации; представляется, одним из «лекарств» как раз и может стать культурная политика, «пуск» разработки и реализации которой зафиксирован отмеченным выше Указом Президента РФ № 808.

В рамках нашего исследовательского проекта осуществляется разработка авторского когнитивно-методологического конструкта, представленного в виде государственной культурной политики, которая рассматривается в контексте обеспечения национальной безопасности современной России.

Изучаемая нами в том числе в русле положений, определенных Основами государственной культурной политики, культурная политика как исследовательский конструкт, нацеленный на разработку комплекса управленческих решений на уровне органов государственной власти, призвана обеспечить укрепление национальной безопасности России в аспекте защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз и опасностей.

В ходе нашего исследования выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как основы государственности, ресурса социальной стабильности, экономического роста; определяются ценностно-смысловые основания культурной политики, её ресурсное и технологическое обеспечение; описывается также место и роль особого актора культурной политики – политической элиты, эффективность деятельности которой способна существенным образом повысить продуктивность использования инструментария государственной культурной политики в системе национальной безопасности современной России, обеспечивая повышение жизнеспособности функционирования страны и её развитие «в инновационном ключе».

В рамках настоящей работы акцентируем внимание прежде всего именно на указанном последнем аспекте нашего исследования – необходимости формирования качественной

политической элиты как субъекта и объекта государственной культурной политики и предпосылки эффективного инновационного развития.

Полагаем, именно ценностно-мотивационный, «культурообращенный» контент формирования политической элиты современной России может служить продуктивным фактором повышения эффективности политики модернизации и инновационного развития современной России, её (политической элиты) движения по пути «накопления и присвоения духа подлинных инноваций». Как отмечает профессор А.М. Старостин, «важной предпосылкой, создающей благоприятную среду для продвижения модернизационных и инновационных процессов, выступает состояние ценностно-мотивационной сферы элит; и речь нужно вести о приоритетном развитии ее структуры в направлении доминирования высших постматериальных мотивационных уровней (духовность, потребность в самореализации), ориентации на постановку и решение перспективных и стратегических задач общенационального масштаба [8, с. 44].

Современная элита характеризуется извне (населением и экспертами) такими качествами, как «коррупцированность-недостаточный профессионализм-игнорирование запросов населения-ориентация на интересы состоятельного меньшинства» [14, с. 56].

Но, поскольку подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности элитность в российских политиках выражена в настоящее время явно недостаточно, то для широкого круга конституэнт и населения её можно сымитировать и подать на уровне имиджа [14, с. 45]. И именно имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике; имитируется очень многое: образованность, ученость, гражданственная направленность действий, эффективность и результативность политических решений и др. Не секрет, что более 60 % депутатов Государственной думы – кандидаты и доктора наук, примерно такая же ситуация в высшем звене федеральной и региональной исполнительной власти: высшая власть позаботилась о своем интеллектуальном имидже, и места в этой системе для экспертного сообщества, подлинной интеллектуальной элиты попросту нет... в стране выстроена вертикаль бюрократической власти, которая «сама себе голова»: сама разрабатывает реформы, сама их финансирует, сама оценивает их результаты [14, с. 41]. «... В России, даже если у части правящей элиты возникает понимание необходимости модернизации, то реализация подобной стратегии блокируется тем, что политическая элита фактически не отделена от бюрократической, не стоит над ней; тогда как в Китае одной из причин успешной модернизации является то, что она проводится под руководством самостоятельной в своих действиях политической элиты, а бюрократическая выступает в роли исполнителя её воли» [15].

В интересном исследовании А.П. Прохорова свойств российской культуры управления [16] показано, что в периоды доминирования во властных структурах кланово-бюрократических, семейственных отношений, исключающих конкуренцию менеджеров, экономика страны деградировала; и наоборот, периоды ее подъема всегда сопровождалась созданием остро-конкурентной среды менеджеров на всех уровнях управления.

В основу ориентированной на создание условий для успешного вхождения в экономику знаний (и далее – в экономику креативности) кадровой политики в современной России должны быть положены компетентность, персональная ответственность, деловая и профессиональная репутация; в систему управления должны быть введены механизмы конкуренции и отбора руководящих кадров, исходя из достигаемых ими объективных результатов; для успешного развития России в условиях структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада необходимо перестроить всю систему управления, кардинально увеличив при этом участие авторитетных ученых в принятии стратегических решений [6, с. 14-16].

Вместе с тем надо признать: в последние годы принят ряд решений, призванных оптимизировать участие экспертного сообщества в обсуждении путей инновационного развития России: кроме функционирующих при Президенте и Правительстве РФ экспертных советов с участием ведущих ученых и авторитетных общественных деятелей получает развитие институт общественных советов при федеральных и региональных органах исполнительной власти, правоохранительных органах, работают общественные палаты в субъектах Федерации и др., но зачастую, к сожалению, их деятельность также носит имитационный, декларативно-формальный, не всегда содержательный характер.

Эта амбивалентность, имитационность (вполне терминологически уместно, на наш взгляд, в анализируемом контексте прибегнуть к бодрийеровскому континууму «симулякр-ров») ситуации чувствуется и на уровне элитного понимания, и массового сознания; четко артикулировал положение дел академик О.Т. Богомолов: «Хорошо, что российские политические верхи осознали, наконец, важность научной сферы, но то, что делается, озадачивает; похоже, что стратегии, разделяемой и поддерживаемой научной и педагогической общественностью, не существует» [7, с. 69].

В завершение, в развитие тезиса о необходимости создания условий для качественной модернизации политической элиты как предпосылки реализации политики «настоящего», лишённого имитации и иллюзорности, инновационного развития страны отметим, что в современной политической практике, коррелирующей с задачами политического управления и государственного управления, с большим вниманием относятся к политическим инновациям как продукту прикладных исследований и разработок, который вытекает из фундаментальных научных исследований или системных концептов, обобщающих результаты политической деятельности.

Как известно, политическая инноватика, эволюционируя, проходит классическую, неклассическую и современную (постнеклассическую) фазы. При этом в центре развития современной фазы политологических инноваций оказывается когнитивная политология, ориентированная на исследования и разработки в сфере политического мышления, восприятия, принятия решений в рамках сложного рефлексивного взаимодействия.

Думается, что использование инструментария государственной культурной политики в разрезе формирования ценностно-мотивационной сферы политической элиты в парадигме развития культуроцентричного смыслового ядра деятельности её акторов может выступить продуктивным звеном политической и политологической инноватики нового поколения; описанию некоторых конкретных механизмов развития ценностно-мотивационного, «культурообращенного» контента политической элиты в русле когнитивной политологии будет посвящена одна из следующих наших работ.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г. Указом № 537 Президента РФ Д.А. Медведева. Цитируется п. 67 Документа.
2. Всемирная модернизация // Эксперт. 2010. № 1.
3. Преобразуя себя и общество. Модернизация России: от теории к практике // Эксперт. 2010. № 36.
4. Модернизация России как условие её успешного развития в XXI веке. М., 2010.
5. Инновационная модернизация России. Политологические очерки. М., 2011.
6. Государственная политика и управление современной России в сфере экономики. Материалы научного семинара. Вып. 3 (50). М.: Научный эксперт, 2012. – 120 с.
7. Богомолов О.Т. Социально-гуманитарные аспекты модернизации России // Вестник РАН. 2012. № 1. – С. 64 – 69.
8. Старостин А.М. Философия социально-гуманитарных инноваций. Брошюра. – Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012. – 72 с.

9. Основы государственной культурной политики. Утверждены 24 декабря 2014 г. Указом № 808 Президента РФ В.В. Путина. Москва. Кремль. Цитируется п. 2.1 Документа.
10. Петровский В.А. Принцип отражения субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. – С. 17 – 30.
11. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение, Ч. 2. Курс лекций. – М.: Научный эксперимент, 2012. – 384 с.
12. Феофанов А.К. Социальная anomia: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. 1992. № 5. – С. 3 – 12.
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС. 2001. № 1. – С. 6 – 16.
14. Российская элита в зеркале социологии. Информационно-аналитические материалы. – Ростов н/Д: СКАГС. 2007.
15. Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012.
16. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. – 376 с.

Goloborodko Andrey Yuryevich, PhD, associate professor, Deputy director for studies and educational work, Tchekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State University of Economics (48, Initsiativnaya st., Taganrog, 347936, Russian Federation). E-mail: goloborodko2009@mail.ru

**“CULTURAL” MEASUREMENT OF THE TOOLS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE VALUE-MOTIVATIONAL SPHERE
OF MODERN POLITICAL ELITE: ON THE ISSUE OF POLITOLOGICAL INNOVATICS
OF NEW GENERATION**

Abstract

The paper confirms the reasonability of the use of the state cultural policy tools within the realization of the strategy of formation and development of the modern Russian political elite which is referred to as the subject and the object of the state cultural policy and the attribute of innovative development. Taking into account that the modern political practice pays considerable attention to the development of the content of political innovatics, this paper confirms that the state cultural policy as the cognitive construct can act as a productive link of political and politological innovatics of new generation on condition that it is focused on the formation of the value-motivational sphere of the political elite in the paradigm of the development of a culture-centered conceptual core of the activity of its actors.

Key words: Innovative development, cultural policy, political elite, cultural trauma, spiritual matrix, value measurement for managerial decision making.

References

1. Strategija nacional'noj bezopasnosti RF do 2020 goda. Utverzhdena 12 maja 2009 g. Ukazom № 537 Prezidenta RF D.A. Medvedeva. Citiruetsja p. 67 Dokumenta.
2. Vsemirnaja modernizacija // Jekspert. 2010. № 1.
3. Preobrazuja sebja i obshhestvo. Modernizacija Rossii: ot teorii k praktike // Jekspert. 2010. № 36.
4. Modernizacija Rossii kak uslovie ejo uspehnogo razvitija v XXI veke. M., 2010.
5. Innovacionnaja modernizacija Rossii. Politologicheskie ocherki. M., 2011.
6. Gosudarstvennaja politika i upravlenie sovremennoj Rossii v sfere jekonomiki. Materialy nauchnogo seminaru. Vyp. 3 (50). M.: Nauchnyj jekspert, 2012. – 120 s.
7. Bogomolov O.T. Social'no-gumanitarnye aspekty modernizacii Rossii // Vestnik RAN. 2012. № 1. – S. 64 – 69.
8. Starostin A.M. Filosofija social'no-gumanitarnyh innovacij. Broshjura. – Rostov n/D.: JuRIF RANHiGS, 2012. – 72 s.
9. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki. Utverzhdeny 24 dekabrja 2014 g. Ukazom № 808 Prezidenta RF V.V. Putina. Moskva. Krem'. Citiruetsja p. 2.1 Dokumenta.
10. Petrovskij V.A. Princip otrazhenija sub#ektnosti v psihologicheskom issledovanii lichnosti // Voprosy psihologii. 1985. № 4. – S. 17 – 30.
11. Kara-Murza S.G. Krizisnoe obshhestvovedenie, Ch. 2. Kurs lekcij. – M.: Nauchnyj jeksperiment, 2012. – 384 s.
12. Feofanov A.K. Social'naja anomija: obzor podhodov amerikanskoj sociologii // SOCIS. 1992. № 5. – S. 3 – 12.
13. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma // SOCIS. 2001. № 1. – S. 6 – 16.
14. Rossijskaja jelita v zerkale sociologii. Informacionno-analiticheskie materialy. – Rostov n/D: SKAGS. 2007.
15. Nacional'naja ideja Rossii. V 6 t. T. I. M.: Nauchnyj jekspert, 2012.
16. Prohorov A.P. Russkaja model' upravlenija. M.: ZAO «Zhurnal Jekspert», 2002. – 376 s.